

Вот почему я врач. Медики рассказывают о самых незабываемых моментах своей работы

Автор:

[Марк Булгач](#)

Вот почему я врач. Медики рассказывают о самых незабываемых моментах своей работы

Марк Булгач

Медицина изнутри. Книги о тех, кому доверяют свое здоровье

В книге собраны 46 историй врачей из различных областей медицины: офтальмолог, нейрохирург, гинеколог, травматолог, кардиолог, психиатр и многие другие специалисты рассказывают о том, почему они стали докторами и за что они любят свою профессию. Редкая операция по разделению сиамских близнецов, молодой хирург, спасающий восьмилетнюю девочку в разгар рождественских праздников, сельский доктор, спешащий в метель на место ужасной автокатастрофы. Книга Марка Булгача будто воплотила весь врачебный мир с его волнениями, радостями, страхами и открытиями. Почему я врач? У каждого героя найдется свой ответ, и он поразит вас.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Марк Булгач

Вот почему я врач. Медики рассказывают о самых незабываемых моментах своей работы

Mark Bulgutch

THAT'S WHY I'M A DOCTOR: PHYSICIANS RECOUNT THEIR MOST MEMORABLE MOMENTS

Copyright © 2020 Mark Bulgutch

Published by permission of Douglas & McIntyre Publishers (Canada) and Acacia House Publishing Services Ltd. (Canada) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Шнейдер Наталья, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Когда ты счастлив, писать книгу легче. И я счастлив. Почти все время. Потому что в мире есть четверо самых близких мне людей. Моя жена Ронда не врач, но она поддерживает мое умственное и физическое здоровье почти сорок четыре года. У нее просто сверхъестественная интуиция в том, что касается медицины. Она узнает, что я болен, раньше меня.

Моя старшая дочь Мелисса. Однажды после посещения врача она плакала, потому что ей не сделали укол. Она думала, что врачи всегда делают уколы, и ждала этого.

Моя младшая дочь Джессика бывала у врачей слишком часто. Ссадины тут и там. Переломы то там, то здесь. Ее все время латали, чтобы она могла получить новую травму.

Моя внучка Рейн обожает играть с тем же докторским набором, с которым когда-то играла ее мать. Она говорит, что не хочет быть врачом, когда вырастет, но пока еще слишком рано. Не проходит и дня, чтобы я не чувствовал себя счастливым оттого, что они есть в моей жизни.

Предисловие

Первым, кто возложил на меня руки – еще прежде матери, – стал врач. Был Йом Киппур, самый важный день в еврейском календаре. А врач был евреем. Так что, наверное, он не хотел идти в тот день в больницу. Но когда у моей матери начались схватки, он ответил на звонок и сделал то, что от него ожидалось: позаботился о своем пациенте (о моей матери, не обо мне).

Он встретил меня в этом мире и, поскольку еще не было одиннадцати утра, возможно, вернулся в синагогу весьма довольный положением дел. Надеюсь на это.

Я рад сообщить, что с того дня мои отношения с врачами были именно такими, как мне хотелось бы: отдаленными. Я пережил обычные детские болезни и медосмотры под присмотром семейного врача (который приходил на дом), но ничего серьезного. У меня до сих пор на месте миндалина и аппендикс.

Летом между окончанием школы и университетом я работал на мясокомбинате. За несколько дней до увольнения я умудрился отрезать кончик пальца, работая на ломтерезке для мяса. Один из супервайзеров отвез меня в больницу – ту же самую, где я родился. После того как кровотечение остановили, пластический хирург осмотрел мою руку и сказал:

– Какую карьеру планируешь? Как думаешь, тебе понадобится этот палец?

Я не был уверен, что он шутит. Но если и так, я был не в том настроении. Я сказал, что собираюсь стать журналистом и травмированный палец – был один из тех двух, которыми я тарабанил по клавишам, набирая текст.

– Ладно, – ответил он. – Тогда нам лучше исправить его.

Так он и сделал.

Я до сих пор печатаю двумя пальцами – на протяжении всей долгой и успешной карьеры.

В течение нескольких лет после окончания университета я перевидал немало врачей: мы пытались найти причину болей в коленях. Прошло много времени, прежде чем у меня диагностировали болезнь Крона. Это заболевание

кишечника, который далековат от колен, вот почему диагностика была столь долгой. Боль в колене – одно из так называемых внекишечных проявлений болезни Крона.

После того как у проблемы появилось имя, меня перенаправили к гастроэнтерологу (специалисту по желудочно-кишечному тракту). Довольно быстро я распрощался с двумя из них. С первым – потому что переехал из Монреаля в Торонто. А второй – уже в Торонто – не слишком внимательно отслеживал снижающийся уровень железа в моей крови. Это обнаружилось благодаря моему семейному врачу Биллу Вишински. Однажды около десяти вечера он позвонил мне на работу (в те дни я работал с одиннадцати утра до полдвенадцатого ночи) и спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Я ответил:

– Замечательно. А что, не должен?

– Ну, я получил результаты вашего анализа крови, и либо они неверны, либо вы покойник.

Кажется, большинство врачей должны были стать комиками. Он продолжал:

– Уровень железа очень низкий. Вы уверены, что чувствуете себя хорошо?

Он был так обеспокоен, что велел мне отправиться в отделение неотложной помощи в центральной больнице по дороге домой. Он собирался перепроверить там анализ крови.

Я появился в больнице около полуночи, сдал анализ, и тот несомненно продемонстрировал, что уровень железа в моей крови крайне низок (что типично для болезни Крона), а мой гастроэнтеролог это упустил.

Семейный врач посоветовал сменить специалиста. Что я и сделал.

Своему третьему гастроэнтерологу я остаюсь верен вот уже более тридцати лет. Его зовут Фред Саибил. И он – одна из причин, по которым существует эта книга.

Одно из «удовольствий» болезни Крона – необходимость регулярных колоноскопий. Практически каждый год Фред записывает меня на эту процедуру. Я выпиваю некоторое количество мерзкой на вкус жидкости, чтобы обеспечить пустой кишечник, на следующее утро приезжаю в больницу и въезжаю на каталке в комнату, где Фред улыбается мне, перед тем как «отключить», чтобы иметь возможность покопаться в моих внутренностях. Он оставляет мне записки, которые я читаю после пробуждения. Обычно там написано что-то вроде «Выглядит, будто ваши кишки пожевала собака». Доктор-комик наносит очередной удар.

Фред выписывал лекарства, надеясь, что какое-нибудь из них поможет. Этого никогда не случалось, но я привык к симптомам, и болезнь не мешала мне делать то, что я хотел, ни в качестве журналиста, ни в качестве отца и мужа. Тем не менее Фред упорно планировал колоноскопии и снова и снова рассказывал, насколько все плохо. Так продолжалось лет двадцать, прежде чем он убедил меня, что пора удалить поврежденную часть кишечника – моя первая (и единственная) операция.

Хорошая новость: с тех пор как я потерял пораженную часть толстого кишечника, колоноскопии мне больше не нужны. Но я не полностью соскочил с крючка. Фред все еще инспектирует мои внутренности. Для тех, кто не в теме, это называется сигмоидоскопией. Я все еще пью мерзкую жидкость для подготовки, но не так много, и процедура безболезненна, так что я остаюсь в сознании.

Во время последней сигмоидоскопии Фред, маневрируя инструментом у меня в тылу, спросил:

– Так когда вы собираетесь написать еще одну книгу?

За несколько лет до того я написал книгу про журналистов. Фред даже приходил на ее презентацию. Я сказал:

– Ну, у меня есть идея книги про врачей. Я хочу, чтобы врачи рассказали мне о случаях, произошедших за время их работы, которые подтвердили бы, что они

были правы, решив заняться медициной.

Другими словами, я не хотел знать, почему они стали врачами. Я хотел услышать о некоем опыте, который принес им столько удовлетворения, столько радости, столько благодарности самим себе, что каждый из них подумал: «Вот почему я врач».

Фред заметил:

– Звучит неплохо.

– Проблема в том, что мне надо где-то найти множество врачей, чтобы побеседовать с ними, а я не знаю множества врачей.

Фред сказал:

– Зато я знаю.

Вместо того чтобы подождать, пока меня вытолкают в комнату отдыха, он пошел со мной и за пару минут согласился помочь найти нужных мне врачей. Он сдержал обещание – и вот результат.

Помогали мне и другие люди. Кен Шерман, писатель и поэт, работал со мной в волонтерской организации YMCA. А чтобы найти собеседников за пределами Торонто, я обратился к бывшим коллегам по CBC News с вопросом, не знают ли они хороших врачей. Особенно помогли Дэвид Кокрейн, Брюс Рейнни, Ненси Во, Каролин Батлер, Йен Ханомансинг и Стив Сильва. Даже мой зять, Алан Спирс, поучаствовал.

Я благодарен всем врачам за то, что они согласились побеседовать и неизменно проявляли терпение, когда я просил их перевести медицинские термины на доступный английский. Я мог бы сделать эту книгу процентов на десять длиннее, просто перечислив их научные степени, звания, награды, должности и места работы, но решил, что сами истории наилучшим образом расскажут все, что вам нужно знать об их героях.

Я собрал разные истории – длинные и короткие. Истории о помощи миллионам людей и о помощи одному человеку. Истории, произошедшие в первые годы работы врачом и на поздних этапах карьеры. Мне рассказали истории практически о каждой части тела – от мозга до кончиков пальцев ног и обо всем, что расположено между.

Однако в некоторых рассказах и вовсе не упоминаются части тела. Вместо этого речь идет о политике в области здравоохранения. Эта часть медицины становится все более важной, и такие истории не только увлекательны, но и заставляют задуматься. Они позволяют взглянуть на медицину через призму, сквозь которую вы, возможно, никогда прежде не смотрели.

Что связывает все эти истории, так это чувство небезразличия. После бесед с врачами я обрел глубокое понимание того, насколько преданы они идее хотя бы ненамного улучшить жизнь всех остальных. Надеюсь, после того как вы прочтете их слова, вы тоже это испытаете.

1

Бег ради жизни. Сунит Дас

Для некоторых врачей экстренные ситуации – часть повседневной жизни. Но каждый экстренный случай особенный. И когда врач пытается разрешить кризис, спасая чью-то жизнь, правила не должны вставать у него на пути.

Сунит Дас – сейчас нейрохирург и специалист по опухолям головного мозга в больнице Святого Михаила в Торонто – нарушил правила однажды зимним днем и не жалеет об этом.

Фото предоставлено больницей святого Михаила

Позвольте начать с того, что во время учебы в медицинском институте я долго пытался понять, на своем ли я месте. Будучи студентом второго курса медицинского факультета, я подал заявку на стипендию Родса[1 - Стипендия Родса - международная стипендия для обучения в Оксфордском университете. - Прим. ред.] и стал полуфиналистом. Если бы я победил, то наверняка занялся бы изучением гуманитарных наук. Но поскольку я остался в медицине, то планировал стать психиатром. Наверное, из всех врачебных специальностей она имеет меньше всего отношения к медицине. Таковы были мои предпочтения. Но каким-то образом я стал хирургом. Я вовсе этого не ожидал. Я потратил много энергии, чтобы убежать от медицины.

История, которую я собираюсь рассказать, произошла, когда я работал старшим ординатором в нейрохирургическом отделении. Дело было в Чикаго, в Северо-Западном университете. Когда ты старший ординатор, да к тому же нейрохирург, ты живешь в совершенно безумном режиме, потому что отвечаешь за все вокруг. Я дежурил через день, но чувствовал себя довольно закаленным. Мне казалось, что не может случиться ничего, с чем я бы не справился. Считайте это высокомерием молодости.

За шесть месяцев до того у нас с женой родился первый ребенок, девочка. Как происходит с большинством людей, у которых появляются дети, рождение дочери изменило мою жизнь. Я был ей очарован. Мы втроем жили в многоквартирном доме в центре Чикаго, в трех кварталах от больницы. И я всегда говорил себе, что в больнице не может случиться ничего такого, что заставило бы меня потерять достоинство и бежать туда всю дорогу от дома. Другими словами, в Северо-Западной мемориальной больнице не могло случиться ничего настолько срочного, чтобы не подождать, пока я приду.

Одним субботним днем в сезон рождественских праздников я был на домашнем дежурстве. Это означает, что в больнице находился младший ординатор, а я оставался дома на всякий пожарный. Родители жены приехали навестить нас из Вирджинии и решили пообедать в ресторане. Жена сказала:

- Если что-нибудь случится, мы будем в конце улицы. Просто позвони, и я тут же приду.

Наступило время дневного сна, и ровно через пять минут после того, как дочь задремала, зазвонил телефон. Это был Стивен Шафизаде, работавший в больнице четвертый год. Он сказал:

– Босс, я в отделении неотложной помощи. Тут восьмилетняя девочка, несчастный случай во время катания на санках. Она въехала в дерево и ударилась головой. Эпидуральная гематома. Ее нужно срочно оперировать, а до детской больницы она не доедет. Я начинаю подготовку к операции. Приходите.

Северо-Западная – взрослая больница. Детей лечили в Детской мемориальной. (Сейчас она называется Чикагской детской больницей Энн и Роберта Лурье.) Она находилась всего в нескольких минутах севернее нашей, и, как правило, если ребенок приезжал в Северо-Западную, мы перенаправляли его в Детскую. Но Стивен настаивал:

– Ребенок должен быть в операционной немедленно. Девочка не доедет до Детской.

Если бы так сказал кто-то другой, я бы ответил: «Нет. Делай то, чего требуют инструкции. Вызывай скорую и отправляй девочку в Детскую». Но я доверял Стивену: он знал свое дело... Он великолепно знал свое дело. Когда он произнес, что девочка не доживет до Детской, я понял, что так и случится.

Я не мог отправиться в больницу, оставив спящую дочь, и позвонил жене в ресторан. Она тоже врач, так что наверняка услышала нетерпение в моем голосе. Я сказал:

– Ты нужна мне дома как можно скорее!

Она положила на стол кошелек, сказала родителям:

– Извините, пожалуйста. Наслаждайтесь обедом и расплатитесь одной из моих кредитных карт. А мне нужно идти.

И побежала домой.

Я стоял в дверях в медицинском костюме. Она вбежала – я выбежал. Я нарушил свои правила и пробежал три квартала до больницы.

Я торопился в отделение неотложной помощи, где дожидались Стивен и родители восьмилетней девочки. Пока я бежал в больницу, она потеряла

сознание. Было ясно, что все перепуганы до смерти.

Я сказал родителям:

– Прошу прощения, я не могу поговорить с вами прямо сейчас: нам нужно работать. Я поговорю с вами позже. Следуйте за нами.

Я вошел в травматологическое отделение и увидел, что ребенок умирает.

Эпидуральная гематома – это смертельно, о чем многие узнали из-за трагедии с актрисой Наташей Ричардсон. Несчастный случай при катании на лыжах в Квебеке: она ударилась головой и умерла. Очень типичная история. У актрисы была серьезная травма головы, перелом черепа, потеря сознания. Но потом она пришла в себя, и наступило то, что мы называем светлым периодом. Она, казалось, чувствовала себя отлично. И даже не согласилась показаться врачу. А потом – катастрофа. Помрачение сознания, и мозг умер. Временное окно для вмешательства здесь очень короткое.

Анестезиологом в травматологическом отделении был аспирант, что означало: он старше ординатора, но пока не штатный врач. Он посмотрел на меня и сказал:

– Мы не работаем с детьми.

К счастью, в тот день дежурным штатным врачом был Энтони Кох, заведующий кафедрой нейроанестезиологии, с которым мы постоянно работали вместе. Он вошел в помещение и спросил:

– Что происходит?

– У нас ребенок с эпидуральной гематомой, и нужно что-то делать прямо сейчас, – ответил я.

Тони взглянул на аспиранта, который повторил:

– Мы не работаем с детьми.

Тони молча отпихнул его с дороги и интубировал девочку. Иначе говоря, он ввел трубку через рот в дыхательные пути. Так делают, чтобы подключить пациента к аппарату ИВЛ (искусственной вентиляции легких), который позволяет дышать во время анестезии. Слава богу, с нами был Тони. Он сказал:

- Погнали. Вперед. Вперед.

Мы перевезли девочку в операционную. Родителям, которые шли за нами, я велел подождать снаружи. Я позвонил штатному врачу, и он тоже велел начинать.

Каждый раз, когда возникает экстренный случай, все спешат в операционную. В тот день все осложнялось тем, что нашей пациентке было восемь, а мы в Северо-Западной прежде не имели дела с восьмилетними детьми. И не потому, что нам этого не хотелось. Есть веские причины, по которым в больницах для взрослых не лечат детей. Одна из них состоит в том, что существуют врачи – в других местах, – которые занимаются этим лучше, чем мы; врачи, которые и должны это делать.

Одна из главных мыслей, которую снова и снова слышат студенты-медики во время курса педиатрии: дети – это не просто маленькие взрослые.

Вот почему вокруг нас бегало множество людей, искавших внутривенные катетеры, достаточно тонкие для того, чтобы пройти в детские вены. Непосредственно перед операцией мы помещаем голову пациента в так называемую скобу – своего рода средневековый зажим, который должен удерживать голову на месте. Скобы для детей отличаются от тех, что используются для взрослых. Так что с лечением девочки в нашей больнице были сопряжены реальные проблемы.

Я выбрил голову бедного ребенка. Эпидуральная гематома – это кровотечение, возникающее между черепом и твердой наружной оболочкой, покрывающей мозг. Причина, по которой эта травма так опасна, – кровь скапливается очень быстро, все сильнее и сильнее сдавливая височную долю мозга. При этом зрачок глаза становится неподвижным и расширенным, и этот симптом уже начал проявляться, когда мы укладывали девочку на операционном столе. Она

определенно умирала.

Мы выполнили достаточно простую процедуру – вскрыли череп и удалили эпидуральную гематому. А когда закончили, зашили кожу. Некоторое время мы обсуждали, стоит ли будить девочку, или лучше под наркозом перевезти в Детскую.

– Нет, – наконец решил Тони. – Будите ее. С ней все в порядке.

Он извлек дыхательную трубку, девочка посмотрела на меня и произнесла:

– Извините, пожалуйста.

Потом мы привели ее родителей в коридор операционной, что всегда делают в детских больницах, но никогда – во взрослых. Они явно понимали, насколько их дочь была близка к смерти. Оба были очень напуганы. Они бросились к дочери, когда увидели, что та уже не спит. Я объяснил, что именно мы сделали и что будет дальше.

Мама девочки обняла меня, а следом – и папа. Мама сказала:

– Спасибо. Спасибо.

Меня настолько переполняли эмоции, что сейчас трудно вспомнить, было ли что-то еще. Потом скорая увезла их в Детскую.

В этот день я кое-что узнал о том, что значит брать на себя ответственность. В день, когда штатный врач не участвовал в работе. То было мое испытание. Что случилось бы, если бы я сказал Стивену: «Нет, отправляй ее в Детскую»? Что случилось бы, если бы я сказал доктору Коху: «Да, мы наверняка благополучно доведем ее до Детской»? Это было мое бремя – сказать: «Знаю, что мы не работаем с детьми, но мы должны это сделать».

Не сомневаюсь: если бы я сказал что-то другое, девочка умерла бы.

Тот день сильно повлиял на меня еще и из-за той любви, что я испытывал к дочери, которой было лишь шесть месяцев от роду. Думая о том, как много она

значила для меня, я не мог смириться с возможностью плохого исхода для родителей маленькой пациентки. И еще долгое время я думал: даже если я не совершу больше ничего значимого в своей жизни – того, что я сделал, уже достаточно.

2

Член семьи. Лиза Дель Гадес

Современный большой город может быть очень холодным и безликим местом. Люди заняты собственными делами и не создают крепких связей друг с другом. Семейный врач не обязан быть вашим лучшим другом для того, чтобы обеспечить вам наилучшую медицинскую помощь. Лиза дель Гадес немного другая. Она ведет семейную практику не из маленького офиса в торговом центре, а из главной городской больницы Торонто. И все же временами она очень сближается со своими пациентами.

Вот две истории, и обе о раке. Одна произошла, когда я работала первый или второй год. Один из моих пациентов был замечательным человеком – из тех, кто приходит, и все вокруг начинают улыбаться, у всех вокруг поднимается настроение. Он уходит, и все говорят: «Ух ты, это был прямо глоток свежего воздуха. Не знаю, почему мне так хорошо, но это так». Исключительно замечательный человек. Однажды он появился вскоре после того, как у него диагностировали первичный диабет. Он, как всегда, был в приподнятом настроении. Он сказал:

– Я это переживу. Я намерен сбросить вес и сделаю все, что от меня требуется.

Примерно через три месяца пришла его жена, тоже моя пациентка.

– Знаю, вы хотели, чтобы он похудел, но это уже смешно. Он сбросил довольно много килограммов, но думаю, что уже чересчур. Он плохо выглядит.

Я спросила:

– Почему бы вам не отправить его сюда, и мы посмотрим, как у него дела. Может, он делает что-то не совсем правильно. Скажите, чтобы заглянул ко мне.

Итак, он пришел, и мы поговорили о его диабете. Но потом, уже под конец визита, он добавил:

– Кстати, я что-то не очень хорошо глотаю. В последние дни давлюсь едой.

Я подумала: возможно, рефлюкс, обычная изжога.

Я назначила ему антациды, но порекомендовала также сделать рентген пищеварительного тракта. Когда я получила результаты, снимок показал шестисантиметровую опухоль между пищеводом и желудком. Рак. Неоперабельный рак. Я позвонила пациенту и сказала:

– Вам нужно прийти. Мы должны обсудить результаты рентгеновского обследования. И приведите с собой жену и еще кого-нибудь, кто может быть вам нужен.

Он пришел в тот же день с женой и сыном. Я не могла подобрать слов, чтобы сообщить ему диагноз. Я безудержно рыдала. Два или три раза мне пришлось выйти из кабинета. Я вела себя именно так, как во время учебы в медицинской школе советуют ни в коем случае себя не вести. Наконец я собралась и сказала, что рентгенограмма выглядит нехорошо, но я направлю его к специалистам, чтобы узнать, что они могут сделать. Ему не было и шестидесяти.

Он был раздавлен. Жена была раздавлена. Их сын тоже. Тогда я впервые увидела их сына. Он учился в университете и вскоре понял, что не в состоянии сосредоточиться на занятиях. Он попросил меня написать письмо администрации университета, подтверждающее, что ему необходим перерыв до конца семестра. Я согласилась. Пару раз ко мне приходила и жена. Для нее ситуация была по-настоящему тяжелой.

Через месяц или два пациент оказался в больнице – той самой, где я работала. Жена пришла ко мне со словами:

– Он хочет вас видеть. Хочет что-то вам сказать. Он будет очень признателен, если вы сможете заглянуть, чтобы повидаться с ним.

Он попросил остальных выйти, и я закрыла дверь. Он начал:

– Я больше не могу так обходиться с семьей. Скажите, что мне сделать, чтобы уснуть сегодня вечером и не проснуться завтрашним утром.

Я была потрясена. В те времена врачебная помощь в смерти была незаконной. Неосуществимой. Я спросила:

– Почему вы этого хотите?

– Мой сын должен вернуться к учебе, а жене нужно жить дальше. Сейчас я лишь тяжкое бремя для них. Я просто хочу принять горсть таблеток и умереть, чтобы они могли жить собственной жизнью.

Мы говорили долго. Помню, я сказала:

– Как, по-вашему, что предпочла бы ваша семья? Думаете, сын предпочел бы сидеть в аудитории университета, слушая скучную лекцию? У него будет еще целая жизнь для того, чтобы выслушивать лекции. А ваша жена? Чего бы она хотела? Я знаю, что она очень активно участвует в жизни общества и часто работает волонтером, но неужели вы думаете, что она предпочла бы быть где-то еще, а не с вами? Разве она не хотела бы провести с вами каждое из последних драгоценных мгновений?

Помню, я сказала:

– Ваш сын вернется к учебе. Пропустить год, когда ему двадцать, – невеликое изменение в общем порядке вещей. И все дела вашей жены тоже могут подождать. Но сейчас она хочет каждый драгоценный миг, что еще остался, провести с вами. Она хочет помогать вам в повседневных делах. Я уверена, что она не хочет заниматься чем-то другим. Никто из них не пожалеет о том, что был с вами в это время. Что может быть важнее?

Ничто из того, чему меня учили, не подготовило меня к подобному разговору, но было еще кое-что. Мой брат покинул нас, когда мне было восемнадцать. Инсульт. Он умер всего через шесть дней, перенес за это время пару операций, и я помню, как мне хотелось упиваться каждым мигом рядом с ним.

Я хотела быть с ним. Я не хотела оказаться где-то еще. Я хотела сидеть у его постели, и думаю, что если бы я в то время была в другом месте, то ужасно сожалела бы сейчас. Поэтому то, что я сказала пациенту, скорее всего, исходило из моего собственного опыта.

Это отозвалось в нем. Его жена пришла ко мне примерно через неделю и сказала:

– О чем бы вы ни говорили с моим мужем, это полностью его изменило. Он пишет мемуары и совершенно по-другому смотрит на вещи. Сейчас он хочет жить. Он созвал всю семью. Он хочет повидаться со всеми. С каждым другом. С каждым родственником. Он хочет поговорить со всеми и хочет, чтобы все его навещали.

Он умер четыре месяца спустя. Вскоре после этого я встречалась с его родными и продолжаю с ними общаться. На днях я видела его невестку. Я знакома с его внучкой. Благодаря тому, что я стала частью их жизни в столь сложное время, и благодаря всем этим трудным разговорам между нами возникла особая связь. Я до сих пор очень близка с этой семьей и во многом стала частью ее. Я ощущаю себя членом семьи, вроде племянницы или дочери.

Вторая история – еще об одной семье, с которой я познакомилась на заре своей профессиональной деятельности. У родителей – моих пациентов – было четверо детей: дочери-близняшки и два сына помладше.

У матери семейства диагностировали меланому. Она прекрасно справилась с ней, но позже у одной из дочерей в возрасте около двадцати нашли очень редкий вид рака. Во всей Северной Америке им ежегодно заболевает всего около сорока человек, так что он невероятно редок. Мать по всему миру искала людей, которые специализируются на исследованиях этого заболевания. Она связывалась с ними, желая убедиться, что все делает правильно, что ее дочь получает наилучшее лечение.

Какое-то время – два или три года – дочь чувствовала себя хорошо. Потом примерно в течение двух месяцев у матери диагностировали еще один рак, а у дочери произошел рецидив. Очевидно, то было очень трудное время для всей семьи. Особенно для одного из сыновей. Он не мог этого вынести. Да и отец справлялся не слишком хорошо. Встречаясь с ними, я старалась поддерживать их. Мать одолела свою болезнь; состояние дочери то ухудшалось, то улучшалось, пока наконец не стабилизировалось. Но однажды мать внезапно потеряла сознание. Ее привезли в больницу, а дочери поднялись ко мне в кабинет.

- Что-то случилось с мамой. Она без сознания и находится в реанимации.

Я спустилась, и действительно: ее подключили к системе жизнеобеспечения. У женщины было массивное кровоизлияние в мозг. Коллеги показали мне снимки, и я увидела, что ее мозг сместился в спинномозговой канал. Не было ни единого шанса, что она сможет дышать без системы жизнеобеспечения.

Врач отделения неотложной помощи сообщил родным:

- Мы можем поддерживать в ней жизнь, пока вы не решите, что делать.

Мы с ее семьей долго обсуждали возможные варианты. Мы говорили о том, что стоит отпустить ее, и вскоре решение было принято. После этого я покинула палату, и женщину отключили от системы жизнеобеспечения. Вероятно, смерть наступила довольно быстро.

Я сидела в отделении неотложной помощи, дожидаясь, пока мне не скажут, что все кончено. Потом я вернулась и весь вечер провела с семьей, помогая справиться с горем. И снова я почувствовала себя членом семьи. У больной дочери дела тоже шли нехорошо, и она последовала за матерью где-то через полтора года. С того времени прошло пять или шесть лет, но мне до сих пор кажется, будто я потеряла двух членов семьи.

Я продолжаю видеться с отцом, второй дочерью и одним из сыновей, который все еще живет в нашем городе, и это все равно что встречаться с родными.

Мне кажется, что у меня есть навык вести сложные разговоры и быть рядом с людьми ради них самих. Это даже не трудно. Все происходит само собой. Мне в самом деле хорошо, когда я с ними.

Вот почему я врач. В обоих случаях я не просто лечила пациента. Я лечила всю семью и поддерживала их в сложные времена. Мне казалось, что я часть семьи, и я до сих пор чувствую себя членом семьи.

3

Меняя дух времени. Лоренс Клотц

Если вы мужчина определенного возраста или вторая половинка этого мужчины, вам почти наверняка знакомы буквы ПСА. И вы знаете, что, если врач видит в анализе крови слишком высокие значения ПСА, с вами будут говорить о раке. Но сегодня этот разговор сильно отличается от беседы, которую с вами провели бы еще не так давно. Сейчас все гораздо проще. Во многом благодаря Лоренсу Клотцу – хирургу-онкоурологу, работающему в больнице Саннибрук в Торонто.

ПСА – сокращение от «простатспецифический антиген». Это белок, который называется так потому, что его вырабатывают только клетки простаты и никакого другого органа. Все клетки простаты синтезируют ПСА, даже здоровые, но в гораздо больших количествах он попадает в кровь из раковых клеток простаты – раз в десять больше, чем из здоровых. В 1970–1980-х годах измерение ПСА стало скрининговым методом для выявления рака простаты. Вы делали анализ крови для измерения уровня ПСА. Если он оказывался повышен, пациенту говорили, что у него велик риск рака простаты.

Идея была великолепной, но появились две проблемы. Прежде всего, ПСА синтезируется и в раковых клетках простаты, и в здоровых, так что у людей с увеличенной простатой тоже нередко находили повышенный уровень ПСА. Таким образом, этот скрининговый тест мог давать ложноположительные

результаты.

Вторая и более серьезная проблема состоит в том, что низкоккачественный рак простаты в норме развивается с возрастом. По мере того как мужчина становится старше, вероятность того, что у него рак простаты, возрастает.

В любой группе шестидесятипятилетних мужчин около двух третей имеют тот или иной рак простаты.

Но риск умереть в течение оставшейся жизни именно от этого заболевания составляет около трех процентов. Имеется огромная диспропорция между теми, у кого есть небольшие участки злокачественных изменений в простате, и теми, кто на самом деле умирает от этой болезни – разница в двадцать-тридцать раз. Однако в конце 1980-х использование ПСА в качестве скринингового теста вызывало большой энтузиазм. Если уровень ПСА был повышен, делали биопсию, которая часто показывала эти небольшие участки низкорискового рака. Почти всем этим мужчинам назначали агрессивное лечение.

Позвольте подчеркнуть, что я хирург-уролог. За свою карьеру я провел около двух тысяч радикальных простатэктомий. Таким образом, я не терапевтический нигилист (так называют тех, кто верит, что делать операцию нет смысла). Хирургия – великолепное средство для определенных пациентов – тех, чьей жизни угрожает рак. К сожалению, лечение рака простаты совсем не то же самое, что аппендэктомия. Когда вам удаляют аппендикс, вы выздоравливаете и становитесь таким же, как прежде. Радикальное лечение рака простаты влечет за собой долговременные последствия и снижает качество жизни. Оно может привести к эректильной дисфункции и потере контроля над мочеиспусканием. Кроме того, облучение влияет на прямую кишку.

Еще одно, что вы должны понимать: смерть, которую вы предотвращаете операцией или облучением – это не смерть, которая наступила бы в течение года или двух. До нее еще лет десять-пятнадцать. Средний пациент, умирающий от рака простаты, довольно стар. Ему в любом случае остается не так много лет.

Когда ПСА-скрининг начали делать в Канаде, рак диагностировали у неожиданно большого числа пациентов. Рост заболеваемости оказался

впечатляющим – огромный скачок. Высокий уровень ПСА у пациентов мог отмечаться из-за увеличенной простаты или из-за того, что у них и впрямь был рак. Им делали биопсию. И если обнаруживали низкорисковый рак, то девяносто пять процентов таких пациентов лечили радикально – прибегали и к операции, и к лучевой терапии. Неудивительно, что они страдали от побочных эффектов. В результате начало возрастать беспокойство по поводу гипердиагностики и чрезмерного лечения. В то время было известно или, по крайней мере, многие полагали, что у некоторых из пациентов болезнь вялотекущая – то есть опухоль росла медленно и не метастазировала. Она увеличивалась так медленно, что не могла создать каких-либо настоящих проблем. Но способа консервативного лечения этих пациентов не существовало.

Как-то раз я обедал с двумя радиологами-онкологами, Ричардом Чу и Сирилом Данжу, и мы решили, что к концу обеда должны придумать какую-нибудь стратегию, помогающую снизить частоту чрезмерно интенсивного лечения. Так что мы сидели и в прямом смысле пережевывали различные идеи.

Тогда было хорошо известно, что у большинства пациентов уровень ПСА повышен лишь незначительно. Кроме того мы знали, что у большей части пациентов с тяжелой формой рака простаты уровень ПСА гораздо выше. Но лечили их одинаково. И мы пришли к простой идее: почему бы не взять людей с относительно низким ПСА и не понаблюдать? Если уровень маркера растет быстро, мы приступаем к лечению. Но если он стабилен, мы ничего не делаем, просто продолжаем наблюдать и время от времени повторяем биопсию, чтобы проверить, есть ли изменения. Действительно простой план. Тогда не было слова, чтобы описать подобный подход, и я остановился на термине «активное наблюдение», который с тех пор стал известен всему миру. Но не сразу.

Мы получили грант от Канадского общества изучения рака (Prostate Cancer Canada) и приступили к консервативному ведению пациентов с низкорисковым раком простаты. Мы отслеживали ПСА. Мы повторяли биопсии. Примерно у четверти мужчин – а со временем и у трети – обнаруживали более серьезную форму рака, и таких пациентов лечили. Но с остальными не делали ничего. Просто продолжали наблюдать. Мы опубликовали результаты спустя пять лет, в 2002 году.

У нас было двести пятьдесят пациентов и ни одной смерти.

Это породило бурю споров. Как вы можете представить, среди тех наших коллег, которые зарабатывают на жизнь, удаляя простаты или облучая простаты, идея не лечить пациентов не встретила серьезной поддержки.

Но кое-кто искренне беспокоился из-за того, что пациенты окажутся недолечены и умрут, что увеличится число смертей, которых можно было избежать. Итак, на первых порах наша идея встретила немало критики, ее обсуждали, и многим она не нравилась. Я слышал что-то вроде: «Доктору Клотцу плевать, что пациенты будут умирать от рака простаты – а это несомненно случится с теми, кто воспользуется его подходом». Ну и прочие подобные удары в спину.

В нашей первой публикации мы описали три года наблюдений, но проблема с раком простаты в том, что он становится смертельным через десять-пятнадцать лет. Он прогрессирует медленно, и чаще отмечаются локализованные формы заболевания, так что его можно контролировать в течение многих лет. Одним из главных критических посылов было: «Вы слишком рано делаете выводы. Вот увидите. Понаблюдайте этих пациентов еще пять или десять лет, и вы обнаружите, как все посыплется. Уровень смертности возрастет слишком быстро».

Но этого не произошло. В нашем докладе по итогам пятилетних наблюдений смертность равнялась нулю. Через десять лет было несколько случаев. Мы наблюдали около четырнадцати тысяч пациентов, из которых умерли, может быть, пятнадцать или двадцать человек. Да, некоторые пациенты умерли от рака простаты, и, конечно, каждая такая смерть была трагедией. Но достичь стопроцентной выживаемости невозможно. При этом примерно в пятнадцать раз больше человек умерли от других причин и около семисот пациентов избежали лечения и его побочных эффектов. Мрачные предсказания критиков не оправдались вовсе. Пациенты с раком простаты не стали умирать толпами, и уровень смертности остается очень низким.

В самом начале пациенты тоже были скептически настроены. Вы говорите пациенту: «Биопсия показала рак, но лечение вам не нужно». И он смотрит на вас, будто думая: «Что за псих достался мне во врачи?»

Идея благоприятного течения рака, гипердиагностики рака, рака как естественной части старения не соответствовала духу того времени. Насыщенные дискуссии продолжались лет десять. Но в конце концов, к моему

удивлению, мир принял наш образ мыслей, и сегодня активное наблюдение считается предпочтительным методом лечения низкорискового рака предстательной железы практически повсеместно. И еще позвольте рассказать, как эта идея вернулась ко мне.

Года два или три назад я побывал на конференции Американского общества клинической онкологии. Это одно из крупнейших медицинских мероприятий, в котором участвуют около двадцати тысяч человек. Я не посещаю эти собрания регулярно, но на том обнаружил секцию, посвященную гипердиагностике и чрезмерному лечению, что, очевидно, меня привлекло. Я подумал: «Ладно, это интересно. Схожу-ка посмотрю».

Оказалось, секция посвящена гипердиагностике и чрезмерному лечению рака груди. И вот сижу в зале, где находится около двух тысяч человек, большинство из которых – специалисты по раку груди.

Правда в том, что врачи работают в своего рода изолированных бункерах. Я знаю множество людей по всему миру, которые специализируются на раке простаты или онкоурологии в целом, но совершенно не знаю тех, кто занимается раком груди, а им ничего не известно обо мне. Так что я сидел в зале, где было около двух тысяч человек, среди которых не нашлось ни одной знакомой души.

Собравшиеся завели разговор о том, как сильно они обеспокоены чрезмерно интенсивным лечением рака груди. И начали показывать мои данные. Один слайд за другим. Какая-то женщина сказала: «Это выяснили те парни, что занимаются раком простаты». Я подумал: «Они используют термин “активное наблюдение” и демонстрируют мои данные». Ух ты! Я повлиял не только на свою область деятельности, но и на другие. Это действительно нечто!

Когда та докладчица закончила презентацию, я подошел к микрофону и сказал: «Потрясающий доклад. Хочу, чтобы вы знали: я Лоренц Клотц – автор исследований, которые вы только что цитировали».

Две тысячи человек, ни одного из которых я не знал, аплодировали мне стоя. Они признали, что это был прорыв.

На мой взгляд, то, что активное наблюдение признали эффективным способом ведения пациентов с раком простаты, само по себе вызывало удовлетворение.

Но теперь я увидел, что повлиял и на лечение рака молочной железы – болезни, с которой я никогда не имел дела, которая вообще не относится к моей области. То был один из кульминационных моментов всей моей карьеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стипендия Родса – международная стипендия для обучения в Оксфордском университете. – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bulgach_mark/vot-pochemu-ya-vrach-mediki-rasskazyvayut-o-samyh-nezabyvaemyh-momentah-svoey-raboty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)